

DOI: 10.31857/S032103910012258-6

САРМАТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ОТ СПЕКУЛЯТИВНОЙ МОДЕЛИ К СЕТЕВОЙ

В. И. Мордвинцева

*Институт Всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия*

E-mail: vmordvintseva@hse.ru

В археологической литературе широко используются термины «сарматы», «сарматский период» и «сарматская археологическая культура (культуры)». Между тем памятники различных макрорегионов Евразии, связываемые обычно с отдельными сарматскими группами и политическими образованиями, упоминаемыми в письменных источниках, имеют значительные различия. Природа этих различий до сих пор достоверно не выяснена, что приводит к разногласиям в интерпретации одних и тех же групп памятников представителями разных школ археологии. Основа разногласий лежит в нарушении процедуры аргументации, которая предстает как спекулятивная, закрытая интерпретационная модель, лишенная эвристического потенциала. Для преодоления антагонизма и получения нового знания необходимо выработать специфические методы интерпретации археологического материала. Перспективным подходом в этом отношении является сетевая модель, в соответствии с которой археологическую культуру можно определить как устойчивую совокупность признаков, объектов и явлений материального мира, отражающую сетевые связи, сформировавшиеся и функционировавшие в определенном ареале в конкретный период.

Ключевые слова: сарматская археологическая культура, спекулятивная модель, сетевая модель, процедура научного исследования материальных остатков

SARMATIAN ARCHAEOLOGICAL CULTURE: FROM SPECULATIVE TO NETWORK MODEL

Valentina I. Mordvintseva

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: vmordvintseva@hse.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 18-18-00237

Данные об авторе. Валентина Ивановна Мордвинцева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН, старший научный сотрудник ГАУГН, доцент НИУ «Высшая школа экономики».

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

The assumption that cultures are clearly defined, essentially self-contained entities has been subjected to serious doubt in modern archaeology which needs to be reflected also in Sarmatian studies. Such concepts as 'Sarmatians', 'Sarmatian period' and 'Sarmatian archaeological culture(s)' are widely used in archaeological literature. However, the monuments of the different macro-regions that are usually connected in scholarship with the various Sarmatian communities and political entities mentioned in the written sources have significant cultural distinctions. The nature of these differences has not been reliably clarified yet. This leads to contradictions in the interpretation of the same culture groups by representatives of different schools of archaeology. The basic cause of the contradictions lies in the flaws of the argumentation procedure, which appears to be speculative, and thus devoid of any heuristic potential. It is necessary to develop common approaches to the interpretation of the archaeological material. A promising approach in this regard might be the network model. Such models will make it possible to define an archaeological culture as a stable set of features, objects and phenomena of the material world, reflecting the network connections formed and operating in a certain area within a particular period.

Keywords: Sarmatian archaeological culture, speculative model, network model, methodology of material remains study

Согласно недавно вышедшей «Большой российской энциклопедии», под сарматской археологической культурой понимаются «археологические культуры и группы памятников, соотносимые главным образом с сарматами и близкими им народами»¹. В интерпретации связываемых с сарматской культурой материальных остатков в настоящее время доминирует модель, которую можно отнести к категории спекулятивных.

Под спекуляцией (от лат. *specio* — взгляд; *speculatio* — выслеживание, высматривание) понимают умозрительное построение²; отвлеченное рассуждение в противоположность рассуждению, основанному на фактах³. Спекулятивное мышление, как и научное, стремится объяснить, унифицировать и упорядочить окружающий мир и с этой целью выходит за пределы опыта, достигая ее с помощью гипотез. Оно зародилось задолго до появления научной картины мира, в контексте мифопоэтического мировосприятия, для которого «то, что волнует» равнозначно «тому, что существует»⁴. В рамках спекулятивного мышления часто происходит слияние символа и того, что он обозначает. Наука предлагает другой метод интерпретации опыта. Его характерными чертами являются: систематизация и критический анализ фактов; выявление причинно-следственных связей; верификация результатов.

Чтобы понять причины формирования именно спекулятивной модели сарматской археологической культуры и предложить вариант научного подхода к интерпретации объединяемых в нее материальных остатков, необходимо обратиться к истории ее выделения и изучения.

¹ Demidenko, Kulcsar 2004.

² См. *СПЯ* s.v.

³ В современном английском языке глагол «speculate» означает «consider, form opinions without having complete knowledge» (*ODCE*, 629).

⁴ Frankfort *et al.* 2001, 7, 20.

САРМАТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: СПЕКУЛЯТИВНАЯ МОДЕЛЬ

Многие погребальные комплексы, которые в настоящее время относят к сарматской археологической культуре, были раскопаны уже на рубеже XIX–XX вв. на территории современных Украины и России, в том числе в местностях, где античные авторы размещали историческую область Сарматия⁵. Первое соотнесение древностей Северного Причерноморья с историческими скифами и сарматами провел Д.Я. Самоквасов. Погребения V–I вв. до н.э. он определял как скифские и датировал их на основании импортов греческого происхождения, а комплексы I–V вв. н.э. считал сарматскими и для их атрибуции привлекал римские импорты. Эта классификация имела целью в первую очередь хронологическую группировку памятников. Самоквасов полагал, что сарматские курганы, согласно письменным источникам, следует искать в регионе к востоку от Дона, между Доном и Волгой, Каспийским морем и Северным Кавказом⁶.

Первыми археологическими памятниками, напрямую ассоциированными с сарматами, стали курганы у д. Прохоровка Оренбургской губернии, исследованные С.И. Руденко в 1915 г.⁷, хотя они расположены на территории, весьма удаленной от места локализации исторически известных сарматских племен. Причина такой атрибуции приуральских погребений кроется в уже сформированной к тому времени культурно-исторической парадигме, наиболее последовательно сформулированной в трудах М.И. Ростовцева⁸. В соответствии со своими представлениями о процессах, происходивших в античности в степях Восточной Европы, М.И. Ростовцев считал Прохоровские курганы погребениями сарматской воинской элиты, появившейся в Приуралье в ходе первой волны миграции с востока, подчинившей себе местное население и направившейся далее на запад, приняв участие в формировании Кубанской и Канево-Полтавской групп памятников⁹ («концепция дальней миграции»)¹⁰. Исследователь проводил различие между комплексами «господствующего класса населения», «конных рыцарей» — сарматов, с одной стороны, и ординарными погребениями «местного населения», которое находилось у них в подчинении, — с другой¹¹. В качестве основных признаков новой элитарной культуры он называет «импорты восточного происхождения» — золотые гривны, парадные мечи, нашивные бляшки геометрических форм, фалары конской упряжи, полихромные броши, предметы «нового звериного стиля»¹². Для объяснения ряда инноваций в costume, оружии и погребальном обряде, наблюдаемых в погребальных комплексах Боспорского царства, Херсонеса и Ольвии (надгробные стелы, росписи склепов и пр.) римского времени,

⁵ Spitsyn 1896; Gorodtsov 1905; 1907; Veselovskiy 1905.

⁶ Samokvasov 1892, xxi–xxiv; 1908, 149–150.

⁷ Rudenko 1918.

⁸ Mordvintseva 2016a, 191–197.

⁹ Rostovtzeff 1918, 32–33, 80–81.

¹⁰ Mordvintseva 2013, 205–207.

¹¹ Rostovtzeff 1918, 79, 81.

¹² Rostovtzeff 1918, 35, 37–38, 57–61, 65–67, 74, 78, 80; 1922, 132; 1929, 45; 2002, 42, 54.

он вводит термины «иранизация» и «сарматизация»¹³. Называя определенные категории и типы вещей «сарматскими», М.И. Ростовцев тем самым делал спекулятивное допущение, поскольку к такому выводу не вела цепочка эксплицитно выраженных доказательств. Это не значит, что его выводы принципиально неверны, но их приходится принимать на веру, что неизбежно и происходит, учитывая высокий научный авторитет ученого. При этом М.И. Ростовцев не ставил своей целью специальное выделение археологической культуры сарматов. Это сделали другие исследователи уже после эмиграции ученого из революционной России.

Термин «культура» употреблялся по отношению к различным совокупностям археологического материала уже в XIX в.¹⁴, чаще всего в значении «этнографического комплекса» или группы относительно одновременных памятников¹⁵. В значении же «группы археологических памятников, объединенных единством территории и сходством признаков, образующих внутренне связанную систему»¹⁶, он стал использоваться только в 1920–1930-е годы, причем в определении В.Г. Чайлда эксплицитно выражена трактовка археологической культуры как принадлежащей конкретному народу¹⁷. Тем самым постулировалась принципиальная возможность перенесения понятия «культура» в отношении «живого» общества на комплекс археологических артефактов и их контекста, т.е. фактически слияния двух объектов изучения таким образом, что один может выступать вместо другого без проведения специальных исследовательских процедур. Следствием такого подхода было, в частности, закрепление этнических определений за конкретными типами вещей и структур.

После окончания Первой мировой войны в образовавшемся на территории Российской империи Советском Союзе произошли фундаментальные институциональные изменения, в том числе в организации науки. К 1925 г., в целом, состоялся переход от свободного формулирования научных целей и задач к централизованному, поставленному руководством страны в рамках доминирующей идеологии. В исторических, этнографических и археологических работах наступило смещение предметов исследования в сторону изучения «народов» в противовес изучению «элит». Росло поначалу поощряемое краеведческое движение, происходило изучение массового археологического материала, его систематизация, в том числе хронологическая и стадийная атрибуция. Во многих регионах

¹³ Интересно, что одни и те же черты, в частности погребение с золотой маской в Керчи, в своей более ранней работе М.И. Ростовцев считает следствием иранизации (Rostovtzeff 2002, 124–128), а в более поздней – относит к сарматизации (Rostovtzeff 1925, 243–247). Вероятно, это свидетельствует о том, что он не проводил существенных различий между двумя терминами.

¹⁴ Smirnov 1964, 3.

¹⁵ Kamenetskiy 1970, 18; Klein 1970, 37–38.

¹⁶ Kossina 1936, 15; Childe 1929, v–vi.

¹⁷ «Мы находим определенные типы остатков – сосуды, орудия, украшения, погребальные обряды, формы домов – постоянно встречающимися вместе. Такой комплекс регулярно соединяющихся следов мы назовем “культурной группой” или просто “культурой”. Мы предполагаем, что такой комплекс является материальным выражением того, что сегодня назвали бы “народом”» (Childe 1929, v–vi).

была проведена первичная классификация археологических памятников, началось выделение археологических культур¹⁸, хотя принятая в то время и официально поддержанная концепция стадийного развития человечества¹⁹ тормозила признание таких разработок.

Весьма активно краеведческое движение развивалось в Нижнем Поволжье и Приуралье, где на базе Саратовского университета и Центрального музея Республики немцев Поволжья сформировался крупный научный центр археологии. В регионе были раскопаны курганные могильники, ставшие источниковой базой для выделения сарматской археологической культуры²⁰. Несомненным достижением работы ученых саратовской школы стала датировка массового материала, прежде всего предметов вооружения²¹, что дало возможность построить относительную и абсолютную хронологию комплексов. Для получения абсолютных датировок базовыми были импорты западного происхождения, но этот факт постепенно исчез из поля зрения, поскольку хорошим тоном считалось основывать хронологические разработки преимущественно на «местном» («этнографическом») материале²². П. Рау провел корреляцию раскопанных в Поволжье и Приуралье погребений и выделил две хронологические группы, которые назвал в соответствии с различиями в ориентации погребенных *Ostwestgräber* и *Meridionalgräber*, из которых первая соотносилась со скифами, а вторая — с сарматами. Наряду с этим он отмечал, что между обеими группами памятников существует внутреннее сходство, которое проявляется в первую очередь в погребальном обряде. Различия же касались, главным образом, оружия и керамики²³. Хронологически значимую вариативность представляли собой типы предметов вооружения (наконечников стрел и клинкового оружия). Поскольку процентное содержание оружия в погребениях Поволжья-Приуралья античного времени было довольно велико, именно эти предметы легли в основу периодизации массового материала. В противовес М. И. Ростовцеву П. Д. Рыков и П. Рау считали, что курганы элиты Волго-Уральского региона принадлежали к той же культуре, что и погребения основного населения. Отсюда был сделан вывод, что местное население также было сарматским.

Создание первичных классификаций массового материала выдвинуло в научную повестку новые цели. Уже в последние предвоенные годы перед археологами

¹⁸ Так, Г. А. Бонч-Осмоловский выделил кизил-кобинскую культуру, ассоциированную с таврами (Bonch-Osmolovskiy 1926), Н. Л. Эрнст на основании анализа городищ Крыма предложил выделить неапольскую культуру (Ernst 1927), а Н. В. Анфимовым была фактически подготовлена периодизация и культурная интерпретация памятников варварского населения Прикубанья, уже в послевоенное время оформленная в концепцию меотской археологической культуры (Anfimov 1949).

¹⁹ Lebedev 1992, 428–430.

²⁰ Rykov 1925; Rau 1927a; 1927b; 1929.

²¹ См., например, Rau 1929.

²² См. Rabinovich 1936, 80.

²³ Rau 1929, 54–56.

была поставлена задача этнических реконструкций²⁴. Ее выполнение началось практически сразу после Второй мировой войны, когда для юго-западных территорий СССР почти синхронно были выделены археологические культуры раннего железного века, которые сразу стали частью исторических реконструкций. На базе разработок довоенного времени была сформирована модель савромато-сарматской археологической культуры как последовательности родственных культур (этапов), развивавшихся на автохтонной основе с начала раннего железного века до эпохи Великого переселения народов²⁵ (концепция «ближней миграции» Гракова—Смирнова)²⁶. Культуры были номинированы по двум признакам — эпонимному (эталонный памятник) и собирательно-этническому (савроматы, сарматы) с добавлением указания на место в хронологической схеме (ранний, средний, поздний этапы). Все эпонимные памятники — Блюменфельд, Прохоровка, Суслы, Шипово — располагались в Волго-Уральском регионе, который с этих пор стал восприниматься как «прародина сарматов». В качестве общих признаков для культур/этапов были определены следующие: отсутствие следов поселений, подкурганый обряд захоронений, формы могильных ям, наличие в погребениях животной пищи и предметов вооружения. Различия выражались в изменении культуuroобразующих признаков, среди которых особое значение придавалось процентному соотношению могильных ям различной формы, ориентировке и позе погребенного (элементы погребального обряда), а также конкретным типам предметов вооружения, зеркал, лепной керамики (предметы погребального инвентаря). Выбор именно этих признаков как культуuroобразующих специально не аргументировался.

В соответствии с поставленными задачами изучения археологического материала, составлялись карты расселения отдельных племен, в том числе были сделаны попытки выявления оставленных ими памятников по одиночным, вырванным из контекста признакам (например, «диагональные» погребения = роксоланы)²⁷. Происходили также поиски «сарматских черт» на территориях, куда согласно культурно-исторической парадигме должны были продвинуться носители сарматской археологической культуры («сарматизация»)²⁸ и т.п. Методика проведения исследовательских процедур для доказательств выдвинутых предположений не была разработана, в результате широко применялись спекуляции с использованием элементов внеисточникового знания, полученного не в результате исследования археологических данных.

²⁴ В частности, перед археологами ставились задачи: «составить на основе тщательного, кропотливого изучения культурных остатков карты расселения племен на территории нашей родины в различные эпохи их существования... проследить, когда, почему и каким образом возникали из отдельных племен крупные племенные союзы, как эти союзы укрупнялись и на грани классовой истории, в борьбе друг с другом и с внешним врагом, превращались в народы, уже хорошо известные письменной истории» (Editorial 1937, 5).

²⁵ Grakov 1947; Smirnov 1954; 1964; 1984; Moshkova 1963.

²⁶ Mordvintseva 2013, 207–212.

²⁷ Smirnov 1948.

²⁸ Lobova 1956; Vyaz'mitina 1969; Abramova 1961; 1979.

В 1980-е годы, в связи с открытиями советских археологов в Северном Афганистане (Тилля-тепе)²⁹, получили новое развитие идеи М.И. Ростовцева о волнах сарматских миграций из глубин Азии (концепция «дальней миграции») ³⁰, в результате чего модель последовательной смены сарматских археологических культур (этапов) подверглась корректировке. Она была напрямую увязана с изменением этнического состава их носителей. Каждая последующая культура была ассоциирована с конкретным «племенем-гегемоном», появившимся с востока (раннесарматская культура — аорсы, сираки и роксоланы, среднесарматская — аланы, позднесарматская — также аланы или, возможно, усунь)³¹. В связи с этим формулировка «этап» как часть некоего эволюционирующего целого стала реже применяться в дискурсе сарматологов. Внимание сконцентрировалось на отличиях друг от друга сарматских культур, эпонимные названия большинства из которых отпали ввиду несоответствия эталонных памятников новым представлениям о культурах, обозначенных их именами. В их характеристике определяющую роль вновь стали играть «восточные импорты»: элементы поясной гарнитуры, предметы вооружения, китайские зеркала, звериный стиль, происходившие из элитарных погребений³². «Западным импортам» при этом не придавали аналогичного значения.

В связи с этими изменениями в интерпретации сарматских археологических культур особую актуальность приобрели их абсолютные датировки. Наиболее широко дискутировались проблемы перехода от савроматской к раннесарматской и от ранне- к среднесарматской культуре³³. В результате в рамках раннесарматской культуры были выделены «прохоровский» и «развитой раннесарматский» этапы³⁴. Хронологические рамки среднесарматской культуры, которая в классической схеме Гракова—Смирнова датировалась I в. до н.э.— I в. н.э., сдвинулись на столетие вверх (I — сер. II в. н.э.)³⁵.

Еще одним направлением исследования стало выделение локальных вариантов погребального обряда сарматских культур. С этой целью было проведено фундаментальное статистическое изучение погребальных памятников Нижнего Дона, Кубани, Поволжья и Приуралья³⁶. Однако по итогам обработки массивов данных всех четырех культур заявленные в начале этой обширной работы задачи не были до конца выполнены³⁷. При объяснении результатов исследователи исходили из сложившихся у них ранее представлений о природе происходивших в древности культурно-исторических процессов, отдавая предпочтение этнической интерпретационной модели. Многие выводы не следовали из проведенных

²⁹ Sarianidi 1989.

³⁰ Mordvintseva 2013, 212–213.

³¹ Smirnov 1989, 175; Skripkin 1997, 15, 24, 41–42.

³² Skripkin 1990, 123, 148, 154; 1997, 14, 23–24; Zasetskaya 1989.

³³ См., например, Glebov 2004; Klepikov 2002; Moshkova 1989b; Sergatskov 1995; 2006; Polin, Simonenko 1990; Simonenko 2004; Skripkin 1990; 2006.

³⁴ См. Moshkova 1997.

³⁵ Skripkin 1990, 175.

³⁶ Moshkova 1994; 1997; 2002; 2009.

³⁷ Подробнее см. Mordvintseva 2019.

статистических анализов. Это касается утверждений о регулярном продвижении групп кочевого населения с востока на запад; о перманентной усиливающейся «стандартизации» погребального обряда при каждой смене культуры³⁸; о преемственности традиций³⁹; о «накапливании» в рамках одной культуры инноваций, которые становились затем характерными чертами последующей культуры, причиной же появления инноваций назывались миграции. Все эти выводы не были новыми, но использование их в работе с применением математико-статистических методов придавало им статус доказанных теорем.

Одновременно с дискуссиями о хронологии, этническом содержании и погребальном обряде сарматских культур в конце XX – начале XXI в. появились работы, критически оценивающие состояние их изучения. В частности, было обращено внимание на несовпадение ареалов сарматских археологических культур и территории расселения исторических савроматов и сарматов, обозначенной в трудах античных авторов⁴⁰, на неправомерность отождествления археологических культур с конкретными этносами. Однако попытки представить их как чисто хронологические этапы археологической культуры, не связанные напрямую с «гегемонией» определенного этноса⁴¹, пока не были позитивно восприняты в академической среде, где по-прежнему превалирует спекулятивная модель. Так, в недавней монографии А.С. Скрипкина повторены ее основные положения: Доно-Волго-Уральские степи являются древнейшей территорией обитания савроматских и сарматских племен⁴²; инновации в сарматских археологических культурах произошли вследствие миграций новых кочевых племен с востока⁴³; «сарматизация» других культур проявляется в распространении «выраженных сарматских элементов материальной культуры»⁴⁴; сарматы оставили археологический след в Центральной и Западной Европе⁴⁵. И хотя исследователь справедливо отмечает, что понятие «археологическая культура» субъективно – это «реконструкция, создаваемая в процессе кабинетной работы», имплицитно он следует представлениям об археологической культуре как об этнографическом комплексе, фактически ставя знак равенства между понятиями «исторические сарматы» и «сарматская археологическая культура». В работах исследователей, посвященных другим негородским археологическим культурам Северного Причерноморья того же хронологического диапазона (меотская и позднескифская), практически любая инновация связывается с проникновением сарматов, отмечается «постепенное возрастание числа сарматских элементов».

Представляется, что в сложившейся интерпретационной модели сарматской археологической культуры не соблюдается научная процедура, причем начиная

³⁸ Что имеется в виду под «стандартизацией» обряда, не объясняется.

³⁹ Zhelezchikov 1997, 98.

⁴⁰ Ochir-Goryaeva 1992; Mordvintseva 2013; Yablonskiy 2016.

⁴¹ Yablonskiy 2016.

⁴² Skripkin 2017, 16.

⁴³ Skripkin 2017, 53, 61, 96, 101, 107, 174, 240.

⁴⁴ Skripkin 2017, 110. К таким элементам, в частности, А.С. Скрипкин отнес фибулы среднелатенской схемы.

⁴⁵ Skripkin 2017, 17.

уже со стадии ее выделения. Обобщая данные о принципах выделения археологических культур, можно сформулировать два базовых: 1) по комплексу формальных («культурообразующих») признаков (применяется к древностям, обнаруженным на территории, о которой или о населении которой нет исторических свидетельств); 2) по месту предполагаемой локации некоего исторически известного социума, исторической области или государства (применяется к материальным остаткам, выявленным в пределах упомянутой в источниках территории). Оба принципа, если их проводить последовательно, обладают исследовательским потенциалом. Однако при их «гибридном» применении научная процедура нарушается, что иллюстрирует случай с сарматской археологической культурой, под которой исследователи понимают то комплекс конкретных археологических маркеров, то археологические памятники, расположенные на территории, которая, согласно письменным источникам, была занята сарматами. Существенные различия между группами памятников разных территорий, номинированных как «сарматские», объясняются «изменением культуры в ходе миграций» и фактически объявляются «вариантами культуры».

При исторической интерпретации памятников материальной культуры формулировка позиции (тезис) часто базируется на одних источниках (например, письменных), а приводимые доводы (аргументы) — на других (археологических, и наоборот). При этом между тезисом и аргументами отсутствует отношение логического следования, в результате убедительность аргументации носит скорее психологический характер. Процесс нарушения принципов аргументации в изучении сарматской археологической культуры можно описать следующими типичными примерами: 1) мы предполагаем на основании данных письменных источников, что на некой территории появились сарматы, но пытаемся обосновать их присутствие через поиски определенных черт материальной культуры; 2) в материальной культуре фиксируются некие инновации, которые исследователь без каких-либо объяснений связывает с гипотетическим появлением/влиянием сарматов. В приведенных примерах нарушены требования достаточности и непротиворечивости аргументов. Перемещение групп людей на другие территории не всегда (на самом деле, очень редко) сопровождается изменением культуры-реципиента. Изменения же материальной культуры часто связаны не с появлением мигрантов, а с результатом действия иных факторов, например политического и/или экономического. В любом случае, анализируемое явление и аргументы для формирования модели его интерпретации должны происходить из информационного поля одной и той же категории источников. У истории и археологии разные источники, и их исследование необходимо осуществлять методами соответствующих наук⁴⁶. Сравнение же информации различных видов источников возможно только после проведения критики и анализа информации каждого из них релевантными для этого методами.

Вследствие нарушения принципов аргументации в рамках спекулятивной модели сарматской археологической культуры исторические выводы во многом декларируются, они не вытекают из исследовательской процедуры и не могут быть

⁴⁶ Klein 1978, 25; 1986.

верифицированы. Дело осложняется тем, что эта интерпретационная модель сформировалась не в результате научной постановки вопроса, а «стихийно», внутри российского культурного пространства, в рамках «сарматской парадигмы»⁴⁷, кодифицированной в течение XVIII и XIX в. на базе сведений античной нарративной традиции и вследствие опыта нескольких сокрушительных нашествий кочевнических орд с востока на запад IV–VII вв. и XIII в.⁴⁸ Ядром парадигмы стала идея о постоянной смене народов в Северном Причерноморье (скифы – сарматы – славяне – Русь) и исторической роли этого региона как буферной зоны между Востоком и Западом⁴⁹. В определенном смысле субъект исследования, например М.И. Ростовцев, через свою культурно-политическую идентичность находился фактически внутри объекта исследования, что, видимо, послужило одной из причин формирования такой ситуации и до сих пор затрудняет осознание ее проблемности. Еще одной причиной является недостаточная разработанность собственно археологических методов исследования. В итоге сложившаяся модель функционирует как «закрытая система», создает интерпретационное давление и блокирует получение нового знания. Выход видится в сознательном разделении «исторического» и «археологического» принципов исследования и разработке конкретных специальных методов археологического анализа. Для этого надо оценить эвристический потенциал такого научного инструмента, как археологическая культура.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: СЕТЕВАЯ МОДЕЛЬ

Осмысление онтологического содержания и гносеологической перспективы археологии началось в Советском Союзе вскоре после Второй мировой войны⁵⁰ и продолжалось до начала 1990-х годов⁵¹. В рамках дискуссий, в которых участвовали в основном доисторики (специалисты по «бесписьменным» эпохам камня и бронзы) и философы, помимо вопросов относительно предмета и объекта археологии, ее статуса в системе гуманитарного знания, специфики археологических источников, обсуждалось содержание понятия «археологическая культура». Оно было признано основным инструментом в исследованиях культурно-исторических процессов на базе археологического материала⁵².

В качестве одного из ключевых вопросов рассматривалась объективность существования «археологической культуры». Согласно одной точке зрения, она представляет собой результат субъективной систематизации и организации материала⁵³, специфическую когнитивную категорию, которая вне процесса познания

⁴⁷ Mordvintseva 2008; 2013.

⁴⁸ Mordvintseva 2016a.

⁴⁹ Mordvintseva 2016a, 188.

⁵⁰ Potemkin 1945, 8; Ganzha 1991, 60.

⁵¹ Одна из последних обширных дискуссий состоялась в рамках методологического семинара ЛОИА АН СССР «Археологические культуры и культурная трансформация» (Masson *et al.* 1991). С тех пор общие теоретические вопросы археологии организовано более не рассматривались.

⁵² Kamenetskiy 1970; Klein 1970; Masson *et al.* 1991.

⁵³ Klein 1970, 42, 49.

не имеет значения⁵⁴. Другие исследователи полагали, что она является реально существующей устойчивой совокупностью объектов материальной культуры, которая «в практическом применении не конструируется, а познается»⁵⁵. Позиция по этому вопросу влияет на способы изучения исторической реальности, стоящей за феноменом археологической культуры, и на его конечный результат. В частности, от этой позиции зависит интерпретация отдельных характеристик археологической культуры: территориальные и хронологические границы и их таксономия; контактные зоны и переходные периоды; природа культурных трансформаций и соотношение традиций и инноваций; связь с конкретным этносом/обществом, хозяйственно-культурным типом.

В основе практически всех конкретных исследований северочерноморского барбарикума сарматской эпохи лежит представление об археологической культуре как объективном феномене, который является прямым отражением реальных обществ древности. Такой подход представляется неверным, т.к. он ведет к описанному выше смещению методов истории и археологии в интерпретационных процедурах. Отдавая себе отчет в невозможности полного отказа от уже более столетия существующего научного дискурса, предлагаю при изучении археологического материала использовать также сетевую модель⁵⁶.

Частью объективной реальности, несомненно, являются материальные остатки, измененные под воздействием экзогенных процессов. Само появление предметов в «живой культуре» представляет собой результат социального сетевого взаимодействия. Под сетями взаимодействия понимаются системы каналов связей, локализованные в определенном пространстве и функционирующие через посредство отдельных индивидуумов и их групп. Основными свойствами сетей взаимодействия являются их содержание (выражено через предмет взаимодействия), масштаб и длительность.

Предметом взаимодействия могут быть вещи и идеи (мысленные прообразы каких-либо действий, предметов, явлений или принципов). Механизмы функционирования сетевого распространения вещей и идей имеют некоторые различия. Так, для восприятия идеи необходимым условием является определенный уровень взаимопонимания между ее поставщиком и реципиентом. Идея не может быть принята, если она не разделяется, хотя бы частично, принимающей стороной. В случае с вещами это необязательно. Возможна ситуация, когда назначение и смысл предмета могут быть полностью перекодированы реципиентом.

Под масштабом сети понимается географический диапазон ее функционирования в конкретный промежуток времени. По этому признаку можно определить уровень межгруппового взаимодействия – от локального до глобального. Очевидно, что сети любого вида могут быть разного масштаба, в зависимости от функции распространяемого предмета или идеи и степени универсальности его возможного применения. Чем проще, универсальнее идея/вещь, тем большим

⁵⁴ Zakharuk 1981, 18.

⁵⁵ Kamenetskiy 1970, 22, 35; Braychevskiy 1991, 56.

⁵⁶ См. Mordvintseva 2016b; 2018; 2019.

количеством смыслов она может быть наделена и, соответственно, тем шире может быть сеть ее распространения.

Длительность функционирования определенной сети – это показатель стабильности связей социальных групп, которые она объединяет. Соответственно, констатация начала и прекращения распространения определенных идей/вещей является маркером изменения или прекращения функционирования конкретной сети, знаком разрыва соответствующих связей или изменения их контента и/или паттерна вследствие каких-то внешних или внутренних факторов.

Все перечисленные свойства сетей взаимодействия древних обществ отражены в археологическом материале. Масштаб сетей взаимодействия различных социальных групп посредством идей/вещей в определенном хронологическом диапазоне может быть зафиксирован с помощью картографирования их находок. Хотя идеи нематериальны, но некоторые из них выражены в материальной культуре: в изображениях на предметах, в элементах погребального обряда, в организации пространства, в конструкции зданий и т.п. Поэтому идеи тоже можно картографировать и таким образом определить широту сети их распространения. Сопоставление карт распространения идей/вещей в различные хронологические периоды позволяет сформулировать предположения о начале, длительности и прекращении функционирования соответствующих сетей.

В контексте сетевой модели интерпретации материальных остатков археологическая культура представляет собой устойчивую совокупность предметов и явлений материального мира, отражающих сетевые связи, сформировавшиеся и функционировавшие на определенной территории в конкретный период времени. При этом, если собственно археологические остатки являются частью объективной реальности, то их объединение в археологическую культуру зависит от целей и задач, которые исследователь, осознанно или неосознанно, ставит при ее выделении. Как правило, ученые обращают внимание на несколько «наиболее ярких» особенностей, которые рассматриваются как «культурообразующие» и по которым затем происходит причисление конкретных памятников к выделенной археологической культуре. По особенностям каменной индустрии выделяются культуры эпохи палеолита, по специфической керамике очерчиваются ареалы черняховской и киевской культур, по так называемой «скифской триаде» (предметы вооружения, упряжи и звериного стиля) определяется область распространения культур «скифского круга» и т.п.

В зависимости от того, какой признак выбран как «культурообразующий», за конкретной археологической культурой могут стоять различные феномены – особая технологическая провинция, хозяйственно-культурный тип, область распространения одной идеологии и т.д. Предметы и явления, не вошедшие в список культуурообразующих, могут иметь равные, меньшие или более широкие ареалы. Хронологический диапазон их существования также может различаться. Особые географические условия (например, природные барьеры в виде пустынь или горных цепей) или особые политико-идеологические установки теоретически могут ограничивать распространение тех или иных сетей взаимодействия, а иногда даже их большинства, и в результате складывается материальная культура «закрытого типа», с сетями взаимодействия примерно равного масштаба. Если же территориальные и хронологические границы сетевого распространения конкретных

предметов, идей и явлений различаются, то можно говорить об археологических культурах «открытого типа». Территориальные и хронологические границы таких культур не всегда могут быть четко определены. Часть сетевых отношений неизбежно будет выходить за рамки отрезка времени и/или ареала распространения «культурообразующих». Очевидно, именно такие отрезки времени описываются в академической литературе как «переходные периоды», а ареалы со «смешанными культурными чертами» — как «локальные варианты» археологической культуры.

Когда хронологические и территориальные рамки археологической культуры определены, фиксируемые в этих пределах материальные остатки можно разделить на «внутрикультурные», «инокультурные» и «кросскультурные». «Внутрикультурное» происхождение артефактов предполагает центр их распространения и, видимо, производство в самой потребляющей их культуре («внутрикультурные оригиналы»). «Инокультурные» предметы изготавливались за пределами рассматриваемого региона («инокультурные оригиналы»). «Кросскультурные» вещи в той или иной мере подражают «инокультурным» (реплики, дериваты, гибриды), но изготавливаются при этом внутри потребляющей их культуры⁵⁷. В ряде случаев центр производства и распространения предметов не может быть однозначно определен, как правило, из-за отсутствия данных, достаточных для анализа. Такие артефакты можно обозначить как предметы с неустановленной культурной принадлежностью.

Таксономия археологической культуры (локальный вариант — культура — историко-культурная общность) базируется на выборе тех сетевых отношений, выраженных через предметы, явления и идеи материального мира, которые исследователь считает существенными («ведущими» для данной таксономической единицы). Интерпретация отдельных таксономических единиц зависит от характера этих «ведущих» признаков и стоящих за ними сетевых отношений. Соответственно, уже выделенные археологические культуры нельзя а priori соотносить с конкретными обществами, политическими структурами и, тем более, этносами, как это часто делается. Это нуждается в дополнительных доказательствах.

Трансформация одной культуры в другую, выраженная в изменении набора предметов и явлений материального мира, означает смену или прекращение взаимодействия части сетевых связей в результате произошедших событий и процессов. Анализируя эти связи и изменения, можно с достаточной долей вероятности реконструировать их причины (политические, экономические, социальные, идеологические).

САРМАТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СЕТЕВОЙ МОДЕЛИ

В рамках сетевой модели археологическая культура, выраженная через комплекс формальных критериев (культурообразующих признаков), служит инструментом познания. Цель познания — изучение происходивших в древности культурно-исторических процессов, содержание которых связано с теми сетями взаимодействия, которые обусловили формирование комплекса культуурообразующих признаков. Само изучение происходит посредством фиксации изменений в составе, качественных характеристиках, хронологическом и территориальном

⁵⁷ Подробнее см. Lysenko, Mordvintseva 2019.

распределении этих признаков – и последующей интерпретации результатов. Такая процедура позволяет верифицировать полученные выводы.

«Сарматская археологическая культура» в настоящее время представляет собой научный конструкт, который существует уже длительное время⁵⁸, но его свойства как инструмента познания до сих пор не определены. Цель ее выделения осознанно не была поставлена, сама культура воспринимается как объективная реальность, которую надо просто изучать. Ни в одной работе эксплицитно не перечислены признаки, которые являются культуурообразующими. Географические рамки ее распространения формально не определены: сарматы продвигались по Евразии, и все, что предположительно после них осталось, получает название «сарматская археологическая культура». Это порождает неограниченное количество культурных вариантов, не связанных посредством формальных критериев. Хронологические рамки всей культуры и ее отдельных периодов базируются на датировках импортов и отражают общемировые тенденции в формировании сетевых связей, обусловленных внешнеполитическими обстоятельствами.

Для того чтобы инструмент «сарматская археологическая культура» работал, необходимо сформулировать цель, на которую направлено исследование, и в соответствии с этим выделить культуурообразующие признаки, предварительно оценив их с точки зрения репрезентативности для ее достижения.

Спектр значений концепта «сарматы» весьма широк⁵⁹, что дает возможность ставить различные цели при исследовании связываемых с ними материальных остатков. При этом значение понятия «сарматская археологическая культура» наиболее часто раскрывается через связь с кочевым образом жизни⁶⁰. Если принять в качестве цели исследования выделение комплексов кочевого хозяйственно-культурного типа, то в этом случае базовыми культуурообразующими признаками будут выступать отсутствие следов поселений и подкурганый обряд погребения (курган-ные могильники). Специфическими деталями погребального обряда кочевников, видимо, можно считать стандартное положение вместе с погребенным, вне зависимости от пола и возраста, ножа и остатков животной пищи⁶¹, основным компонентом которой является мелкий рогатый скот, составлявший основу стад номадов Евразии. Еще одним характерным для кочевников признаком, очевидно, является

⁵⁸ Mordvintseva 2017.

⁵⁹ Он включает в себя такие значения, как: 1) обитатели географической области «Сарматия»; 2) отдельный народ; 3) совокупность народов определенной территории (макроэтноним); 4) носители определенного хозяйственно-культурного типа (кочевники); 5) элита политических объединений, локализуемых в Северном Причерноморье; 6) «новые иранцы», кочевники, обитавшие в далеких восточных землях, пограничных с государствами Средней Азии, и мигрировавшие в Северное Причерноморье; 7) носители «савромато-сарматской археологической культуры»; 8) население, практиковавшее подкурганый обряд погребения в ареалах распространения оседлых хозяйственно-культурных типов (например, в Прикубанье или Крыму); 9) представители населения ареалов распространения оседлых хозяйственно-культурных типов, которых хоронили с элементами признаков «савромато-сарматской археологической культуры» (подробнее см. Mordvintseva 2017).

⁶⁰ Moshkova 1989a, 157; 1989b, 160; Smirnov 1989, 185; Skripkin 2017, 31, 61, 65, 102.

⁶¹ См., например, Skripkin 1997, 214; Sergatskov 2002, 95.

высокий процент клинкового оружия в мужских погребениях⁶² — в погребальном обряде оседлых культур такие находки единичны. Остальные признаки, которые часто называют в числе культуурообразующих, вряд ли обусловлены именно кочевым образом жизни (во всяком случае, это надо доказывать), но могут характеризовать специфику идеологических представлений, военных технологий и бытовой культуры «сарматской эпохи» и отдельных ее периодов в степях Евразии. Это относится к типам погребальных сооружений, сооружению индивидуальных насыпей над погребением/вторичному использованию более древних насыпей, способу обращения с трупом (трупосохранение), ориентации и позе покойного, особенным (не относящимся к гендерно-нейтральному и гендерно-сопряженному «стандарту») элементам костюма и погребальным приношениям.

В результате картографирования культуурообразующих признаков, связанных с кочевым хозяйственно-культурным типом, можно проследить появление и исчезновение групп населения, практиковавших кочевое хозяйство в различных частях Евразии. Так, на материале памятников южной части Доно-Днепровского междуречья в I в. до н.э. определенно фиксируются кочевнические памятники, отсутствовавшие здесь до этого около двух столетий⁶³. В дельте Дона памятники кочевников в это же время сменяются археологической культурой оседлого населения⁶⁴. Причины появления/исчезновения кочевнических памятников дискуссионны (называются миграционный⁶⁵, экологический⁶⁶, социальный⁶⁷ факторы). Изучение подобных феноменов является самостоятельным интересным и актуальным предметом исследования.

Если же целью исследования является выявление политических и этнических идентичностей, модель сарматской археологической культуры, отражающей хозяйственно-культурный тип, для этого не подходит. В таком случае необходим целенаправленный отбор репрезентативной источниковой базы и разработка конкретных исследовательских процедур. Выделение политических субъектов и их внешнеполитических связей возможно, в частности, на материале погребальных комплексов элиты⁶⁸. Перспективным является также изучение отдельных сетей взаимодействия, отражающих идеологическую, военную и бытовую сферы, с последующим сравнением их по масштабу и длительности функционирования.

Литература / References

- Abramova, M.P. 1961: [Sarmatian graves of the Don and Ukraine in the 2nd cent. BC — 1st cent. AD]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 91–110.
Абрамова, М.П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. — I в. н.э. *СА* 1, 91–110.

⁶² См., например, Skripkin 1997, 185; Sergatskov 2002, 96.

⁶³ Vyaz'mitina *et al.* 1960; Kostenko 1983.

⁶⁴ Kamenetskiy 2011, 195.

⁶⁵ Kamenetskiy 2000, 134.

⁶⁶ Polin 1992.

⁶⁷ Artamonov 1948.

⁶⁸ Это направление в настоящее время активно разрабатывается автором. Конкретные методики см., например: Mordvintseva 2016b; 2018; Lysenko, Mordvintseva 2019.

- Abramova, M.P. 1979: [On the problem of interrelations of the North Caucasian tribes in the Sarmatian epoch]. *Sovetskaya arkhеologiya* [*Soviet Archaeology*] 2, 31–50.
Абрамова, М.П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. *СА* 2, 31–50.
- Anfimov, N.V. 1949: [On the problem of the Kuban region population in the Scythian epoch]. *Sovetskaya arkhеologiya* [*Soviet Archaeology*] 11, 241–260.
Анфимов, Н.В. К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху. *СА* 11, 241–260.
- Artamonov, M.I. 1948: [Scythian kingdom in the Crimea]. *Vestnik LGU* [*Herald of Leningrad State University*] 8, 56–78.
Артамонов, М.И. Скифское царство в Крыму. *Вестник ЛГУ* 8, 56–78.
- Bonch-Osmolovskiy, G.A. 1926: [Prehistorical cultures of the Crimea]. *Kрым* [*Crimea*] 2, 74–94.
Бонч-Осмоловский, Г.А. Доисторические культуры Крыма. *Крым* 2, 74–94.
- Braychevskiy, M. Yu. 1991: [About the historical content of the term “archaeological culture”]. In: V.M. Masson, V.I. Boryaz, M.V. Anikovich (eds.), *Arkheologicheskie kul'tury i kul'turnaya transformatsiya. Materialy metodologicheskogo seminarа LOIA AN SSSR* [*Archaeological Cultures and Cultural Transformation. Materials of the Methodological Seminar of the Leningrad Branch of the USSR Academy of Sciences*]. Leningrad, 55–60.
Брайчевский, М.Ю. Об историческом содержании понятия «археологическая культура». В сб.: В.М. Массон, В.И. Боряз, М.В. Аникович (ред.), *Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР*. Л., 55–60.
- Childe, V.G. 1929: *The Danube in Prehistory*. Oxford.
- Demidenko, S.V., Kulcsar, V. 2004: [Sarmatian archaeological cultures]. In: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [*The Great Russian Encyclopedia*]. (URL: <https://bigenc.ru/archeology/text/3536769>; дата обращения: 04.11.2020)
Демиденко, С.В., Кульчар, В. Сарматские археологические культуры. В: *Большая российская энциклопедия. Интернет-ресурс*.
- Editorial 1937: [Our tasks in the field of archaeological research according to the directives of the Central Committee of All-USSR Communist Party of Bolsheviks and Sovnarkom of USSR concerning the handbooks on history]. *Sovetskaya arkhеologiya* [*Soviet Archaeology*] 2, 1–10.
Наши задачи в области археологических исследований, в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках истории. *СА* 2, 1–10.
- Ernst, N.L. 1927: [Neapolis Scythica (to the 100th anniversary of the first excavations)]. In: *Vtoraya konferentsiya arkhеologov SSSR, Khersones, 10–13 sentyabryа 1927 godа (stoletie khersonesskikh raskopok (1827–1927))* [*The Second Conference of Archaeologists of the USSR, Chersonesos, 10–13 September, 1927 (the 100th Anniversary of the Chersonesean Excavations (1827–1927))*]. Sevastopol, 23–28.
Эрнст, Н.Л. 1927: Неаполь Скифский (к столетию со времени первых раскопок). В сб.: *Вторая конференция археологов СССР, Херсонес, 10–13 сентября 1927 года (столетие херсонесских раскопок (1827–1927))*. Севастополь, 23–28.
- Frankfort, H., Frankfort, H.A., Wilson, J., Jacobsen, T. 2001: *Vpredverii filosofii. Dukhovnye iskaniya drevnego cheloveka* [*Before Philosophy. The Intellectual Adventure of Ancient Man*]. Saint Petersburg.
Франкфорт, Г., Франкфорт, Г.А., Уилсон, Дж., Якобсен, Т. В *преддверии философии. Духовные искания древнего человека*. СПб.
- Ganzha, A.I. 1991: [The term “archaeological culture”: multiplicity of approaches and a possibility of an unambiguous definition]. In: V.M. Masson, V.I. Boryaz, M.V. Anikovich (eds.), *Arkheologicheskie kul'tury i kul'turnaya transformatsiya. Materialy metodologicheskogo seminarа LOIA AN SSSR* [*Archaeological Cultures and Cultural Transformation. Materials of the Methodological Seminar of the Leningrad Branch of the USSR Academy of Sciences*]. Leningrad, 60–65.
Ганжа, А.И. Понятие «археологическая культура»: многообразие подходов и возможность однозначного определения. В сб.: В.М. Массон, В.И. Боряз, М.В. Аникович (ред.), *Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР*. Л., 60–65.
- Glebov, V.P. 2004: [Chronology of the Early Sarmatian and Middle Sarmatian cultures of the Lower Don region]. In: *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5 mezh-dunarodnoy konferentsii “Problemy sarmatskoy arkhеologii i istorii”* [*Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Texts to the 5th International Conference “Problems of Sarmatian archaeology”*]. Krasnodar, 127–133.

- Глебов, В.П. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья. В сб.: *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, 127–133.
- Gorodtsov, V.A. 1905: [Results of archaeological research in the Izum district of the Kharkov province in 1901]. In: *Trudy XII Arkheologicheskogo s"ezda v g. Khar'kove, 1902 g.* Т. I [Proceedings of the XII Archaeological Congress in Kharkov, 1902. Vol. I]. Moscow, 174–225.
- Городцов, В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. В сб.: *Труды XII Археологического съезда в г. Харькове, 1902 г.* Т. I. М., 174–225.
- Gorodtsov, V.A. 1907: [Results of archaeological research in the Bahkmut district of Ekaterinoslav province in 1903]. In: *Trudy XIII Arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the XIII Archaeological Congress]. Moscow, 211–285.
- Городцов, В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года. В сб.: *Труды XIII Археологического съезда*. М., 211–285.
- Grakov, V.N. 1947: [Гунзикоократоуѐвои: relics of matriarchate by the Sarmatians. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 100–121.
- Граков, В.Н. Гунзикоократоуѐвои: пережитки матриархата у сарматов. *ВДИ* 3, 100–121.
- Kamenetskiy, I.S. 1970: [Archaeological culture – its definition and interpretation]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 18–36.
- Каменецкий, И.С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация. *СА* 2, 18–36.
- Kamenetskiy, I.S. 2000: *Arkheologicheskie pamyatniki meotov Kubani* [Archaeological Sites of the Kuban Maiotians]. Krasnodar.
- Каменецкий, И.С. *Археологические памятники меотов Кубани*. Краснодар.
- Kamenetskiy, I.S. 2011: *Istoriya izucheniya meotov* [History of Research of the Maiotians]. Moscow.
- Каменецкий, И.С. *История изучения меотов*. М.
- Klein, L.S. 1970: [The problem of definition of archaeological culture]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 2, 37–51.
- Клейн, Л.С. Проблема определения археологической культуры. *СА* 2, 37–51.
- Klein, L.S. 1978: *Arkheologicheskie istochniki* [Archaeological Sources]. Leningrad.
- Клейн, Л.С. *Археологические источники*. Л.
- Klein, L.S. 1986: [On the subject-matter of archaeology (on Vladimir Gening's book "The Object and Subject-Matter of Archaeology")]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 3, 209–219.
- Клейн, Л.С. О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии»). *СА* 3, 209–219.
- Klerikov, V.M. 2002: *Sarmaty Nizhnego Povolzh'ya v IV–III vv. do n.e.* [Sarmatians of the Lower Volga Region in the 4th–3rd Cent. BC]. Volgograd.
- Клепиков, В.М. *Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э.* Волгоград.
- Kossina, G. 1936: *Die Herkunft der Germanen: zur Methode der Siedlungsarchäologie*. 3. Aufgabe. Leipzig.
- Kostenko, V.I. 1983: *Sarmatskie pamyatniki Dnepro-Donskogo mezhdurech'ya III v. do n.e. – serediny III v. n.e.* [Sarmatian Sites of the Dnieper-Don Interfluve from the 3rd Cent. BC to the 3rd Cent. AD]. Днепропетровск.
- Костенко, В.И. *Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н.э. – середины III в. н.э.* Днепропетровск.
- Lebedev, G.S. 1992: *Istoriya otechestvennoy arkheologii 1700–1917 gg.* [History of Russian Archaeology 1700–1917]. Saint Petersburg.
- Лебедев, Г.С. *История отечественной археологии 1700–1917 гг.* СПб.
- Lobova, I.I. 1956: *Sarmaty v Krymu*. [The Sarmatians in the Crimea. PhD Thesis]. Moscow.
- Лобова, И.И. *Сарматы в Крыму*. Дисс. ... к.и.н. М.
- Lysenko, A.V., Mordvintseva, V.I. 2019: [Metal jewelry – votives from the Eklizi-Burun sanctuary of Roman time (to the cultural attribution of the site)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4 (66), 240–296.
- Лысенко, А.В., Мордвинцева, В.И. Металлические украшения костюма – votives святылища римского времени Эклизи-Бурун (к культурной атрибуции памятника). *Проблемы истории, филологии, культуры* 4 (66), 240–296.

- Masson, V.M., Boryaz, V.I., Anikovich, M.V. (eds.) 1991: *Arkheologicheskie kul'tury i kul'turnaya transformatsiya. Materialy metodologicheskogo seminara LOIA AN SSSR [Archaeological Cultures and Cultural Transformation. Materials of the Methodological Seminar of the Leningrad Branch of the USSR Academy of Sciences]*. Leningrad.
- Массон, В.М., Боряз, В.И., Аникович, М.В. (ред.). *Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР*. Л.
- Mordvintseva, V.I. 2008: [Phalerae from votive hoards of the North Pontic Area of the 3rd–1st cent. BC and the Sarmatian paradigm]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 162–183.
- Мордвинцева, В.И. Фалары из votивных кладов Северного Причерноморья III–I вв. до н.э. и сарматская парадигма. *ВДИ* 3, 162–183.
- Mordvintseva, V. 2013: The Sarmatians: the creation of archaeological evidence. *Oxford Journal of Archaeology* 32 (2), 203–219.
- Mordvintseva, V.I. 2016a: [Formation of the concept of cultural and historical processes in the 'barbarian' world of the North Pontic region in the 3rd cent. BC – mid-3rd cent. AD.] *Istoriya i arkheologiya Kryma [History and Archaeology of the Crimea]* 3, 178–199.
- Мордвинцева, В.И. Формирование концепции культурно-исторических процессов в варварском мире Северного Причерноморья в III в. до н.э. – сер. III в. н.э. *История и археология Крыма* 3, 178–199.
- Mordvintseva, V.I. 2016b: [Burial complexes of elite as a source of detecting political identities according to archaeological material]. In: *Elity Bospora i bosporskaya elitarnaya kul'tura. Materialy mezhdunarodnogo Kruglogo stola [Elites of Bosporos and Bosporan elite culture. Materials of the international Round table (Saint Petersburg, 22–25 November 2016)]*. Saint Petersburg, 251–259.
- Мордвинцева, В.И. Погребальные комплексы элиты как источник по выявлению политических идентичностей на археологическом материале. В сб.: *Элиты Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2016 г.)*. СПб., 251–259.
- Mordvintseva, V.I. 2017: [The concept 'Sarmatians' as a cultural and historical phenomenon in the contact zone of North Pontic Area]. In: N.V. Petlyuchenko (ed.), *Kontsepty i kontrasty [Concepts and Contrasts]*. Odessa, 153–160.
- Мордвинцева, В.И. Концепт 'Сарматы' как культурно-исторический феномен в контактной зоне Северного Причерноморья. В сб.: Н.В. Петлюченко (ред.), *Концепты и контрасты*. Одесса, 153–160.
- Mordvintseva, V.I. 2018: [Principles and methods of a comparative analysis of burial complexes of elites]. In: A.S. Skripkin (ed.), *Problemy arkheologii i muzevedeniya. Sbornik statey, posvyashchennuyu pamyati N.V. Khabarovoy [Problems of archaeology and museum study. A collection of articles devoted to the memory of N.V. Khabarova]*. Volgograd, 192–197.
- Мордвинцева, В.И. Принципы и методы сравнительного анализа погребальных памятников элиты. В сб.: А.С. Скрипкин (ред.), *Проблемы археологии и музееведения. Сборник статей, посвященный памяти Н.В. Хабаровой*. Волгоград, 192–197.
- Mordvintseva, V.I. 2019: [Archaeological cultures of „Barbarians“ of the North Pontic Area 3rd cent. BC – 3rd cent. AD: criticizing the ethnic model]. In: E.V. Kruglov, A.S. Lapshin, I. Yu. Lapshina (eds.), *Arkheologiya kak zhizn'. Pamyati Evgeniya Pavlovicha Mys'kova [Archaeology as a Life. To the Memory of Evgeniy Pavlovich Mys'kov]*. Volgograd, 93–98.
- Мордвинцева, В.И. Археологические культуры «варваров» Северного Причерноморья в III в. до н.э. – III в. н.э.: критика этнической объяснительной модели. В сб.: Е.В. Круглов, А.С. Лапшин, И.Ю. Лапшина (ред.), *Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова*. Волгоград, 93–98.
- Moshkova, M.G. 1963: *Pamyatniki Prokhorovskoy kul'tury [Monuments of Prokhorovka culture]*. Moscow.
- Мошкова, М.Г. *Памятники Прохоровской культуры*. (САИ, Д1–10). М.
- Moshkova, M.G. 1989a: [A short overview of history of the Sauromatian-Sarmatian tribes]. In: A.I. Melyukova (ed.), *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Steppes of the European Part of USSR in the Scythian-Sarmatian Time]*. Moscow, 153–158.
- Мошкова, М.Г. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен. В сб.: А.И. Мелюкова (ред.), *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 153–158.

- Moshkova, M.G. 1989b: [History of research of the Sauromatian-Sarmatian tribes]. In: A.I. Melyukova (ed.), *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [*Steppes of the European part of USSR in the Scythian-Sarmatian Time*]. Moscow, 158–164.
- Мошкова, М.Г. История изучения савромато-сарматских племен. В сб.: А.И. Мелюкова (ред.), *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 158–164.
- Moshkova, M.G. (ed.) 1994: *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii*. Вып. 1. *Savromatskaya epokha* [*The statistical processing of burial sites of Asian Sarmatia. Issue 1. Sauromatian epoch*]. Moscow.
- Мошкова, М.Г. (ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. 1. *Савроматская эпоха*. М.
- Moshkova, M.G. (ed.) 1997: *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii*. Вып. 2. *Rannesarmatskaya kul'tura (IV–I vv. do n.e.)* [*The statistical processing of burial sites of Asian Sarmatia. Issue 2. Early Sarmatian culture (4th–1st cent. BC)*]. Moscow.
- Мошкова, М.Г. (ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. 2. *Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.)*. М.
- Moshkova, M.G. (ed.) 2002: *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii*. Вып. 3. *Srednesarmatskaya kul'tura* [*The statistical processing of burial sites of Asian Sarmatia. Issue 3. Middle Sarmatian culture*]. Moscow.
- Мошкова, М.Г. (ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. 3. *Среднесарматская культура*. М.
- Moshkova, M.G. (ed.) 2009: *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii*. Вып. 4. *Pozdnesarmatskaya kul'tura* [*The statistical processing of burial sites of Asian Sarmatia. Issue 4. Late Sarmatian culture*]. Moscow.
- Мошкова, М.Г. (ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. 4. *Позднесарматская культура*. М.
- Ochir-Goryaeva, M.A. 1992: [The problem of the Savromats in Scythian and Sarmatian archaeology]. *Rossiyskaya arkheologiya* [*Russian Archaeology*] 2, 32–40.
- Очир-Горяева, М.А. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии. *РА* 2, 32–40.
- Polin, S.V. 1992: *Ot Skifii k Sarmatii* [*From Scythia to Sarmatia*]. Kiev.
- Полин, С.В. *От Скифии к Сарматии*. Киев.
- Polin, S.V., Simonenko, A.V. 1990: [Early Sarmatian burials of the Northern Black sea region]. In: *Issledovaniya po arkheologii Podneprov'ya* [*Research in the Field of the Dnieper Archaeology*]. Dnepropetrovsk, 76–95.
- Полин, С.В., Симоненко, А.В. Раннесарматские погребения Северного Причерноморья. В сб.: *Исследования по археологии Поднепровья*. Днепропетровск, 76–95.
- Potemkin, V.P. (ed.) 1945: *Materialy k Vsesoyuznomu arkheologicheskomu soveshchaniyu IIMK AN SSSR im. N. Ya. Marra* [*Materials to the All-USSR archaeological meeting of Institute for the History of Material Culture named after N. Ya. Marr, Academy of Sciences of the Soviet Union*]. Moscow.
- Потемкин, В.П. (ред.). *Материалы к Всесоюзному археологическому совещанию ИИМК АН СССР им. Н.Я. Марра*. М.
- Rabinovich, B.Z. 1936: [On the dating of some Scythian barrows of the Middle Dnieper region]. *Sovetskaya arkheologiya* [*Soviet Archaeology*] 1, 79–102.
- Рабинович, Б.З. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья. *СА* 1, 79–102.
- Rau, P. 1927a: *Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik)*. (Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Sozial. Räte-Republik der Wolgadeutschen. Jahrgang. 1. Heft 1–2). Pokrowsk.
- Rau, P. 1927b: *Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926*. (Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Sozial. Räte-Republik der Wolgadeutschen. Jahrgang 2. Heft 1). Pokrowsk.
- Rau, P. 1929: *Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet*. (Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Sozial. Räte-Republik der Wolgadeutschen. Jahrgang 4. Heft 1). Pokrowsk.
- Rostovtzeff, M.I. 1918a: *Kurgannye nakhodki Orenburgskoy oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma*. [*Barrow Finds in Orenburg Region Dating to the Early and Late Hellenistic Periods*]. Petrograd.
- Ростовцев, М.И. *Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма*. (МАР, 37). Пг.

- Rostovtzeff, M.I. 1922: *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.
- Rostovtzeff, M.I. 1925: *Skifiya i Bospor. Kriticheskoe obozrenie pamyatnikov literaturnykh i arkhologicheskikh [Scythia and Bosphoros. A critical overview of literal and archaeological sources]*. Leningrad.
- Ростовцев, М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.
- Rostovtzeff, M.I. 1929: *The Animal Style in South Russia and China*. Princeton.
- Rostovtzeff, M.I. 2002: *Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii [Iranians and Greeks in South Russia]*. (1st ed. — 1918). Moscow.
- Ростовцев, М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Вступ. ст., коммент. и примеч. А.В. Арсентьева. (1-е изд. — 1918). М.
- Rudenko, S.I. 1918: [Report on the excavations of Prokhorovka barrow]. In: M.I. Rostovtzeff, *Kurgan-nye nakhodki Orenburgskoy oblasti epokhi rannego i pozdnego ellinizma [Barrow Finds in Orenburg Region Dating to the Early and Late Hellenistic Periods]*. Petrograd, 1—11.
- Руденко, С.И. Отчет о раскопках Прохоровских курганов. В кн.: М.И. Ростовцев, *Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма*. (МАР, 37). Пг., 1—11.
- Rykov, P.S. 1925: *Suslovskiy kurgannyy mogil'nik [Susly Barrow Necropolis]*. Saratov.
- Рыков, П.С. Суловский курганный могильник. Саратов.
- Samokvasov, D. Ya. 1892: *Osnovaniya khronologicheskoy klassifikatsii, opisaniye i katalog kollektzii drevnostey [Grounds for Chronological Classification, Description and a Catalogue of the Collection of Antiquities]*. Warsaw.
- Самокувасов, Д.Я. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава.
- Samokvasov, D. Ya. 1908: *Mogily russkoy zemli [Graves of Russian Soil]*. М.
- Самокувасов, Д.Я. 1908. Могилы русской земли. М.
- Sarianidi, V.I. 1989: *Khram i nekropol Tillya-tepe [The Tillya-tepe Temple and Necropolis]*. Moscow.
- Сарианиди, В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М.
- Sergatskov, I.V. 1995: [The new data about the Early Sarmatian culture time frame]. *Rossiyskaya arkhologiya [Russian Archaeology]* 1, 148—158.
- Сергачков, И.В. Новые данные к хронологии раннесарматской культуры. РА 1, 148—158.
- Sergatskov, I.V. 2002: [The analysis of burial sites of the 1st and 2nd cent. AD]. In: M.G. Moshkova (ed.), *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii*. Вып. 3. *Srednesarmatskaya kul'tura [The statistical processing of burial sites of Asian Sarmatia. Issue 3. Middle Sarmatian culture]*. Moscow, 22—129.
- Сергачков, И.В. Анализ погребальных памятников I—II вв. н.э. В кн.: М.Г. Мошкова (ред.), *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. 3. *Среднесарматская культура*. М., 22—129.
- Sergatskov, I.V. 2006: [The problem of the establishment of Middle Sarmatian culture]. In: V.M. Klepikov (ed.), *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya. Materialy seminaru Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov*. Вып. I [Early and Middle Sarmatian Cultures: the Problems of Relationship. Materials of the Seminar of the Research Centre of the Sarmatian History and Culture. Issue I]. Volgograd, 37—58.
- Сергачков, И.В. Проблема становления среднесарматской культуры. В сб.: В.М. Клепиков (ред.), *Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов*. Вып. I. Волгоград, 37—58.
- Simonenko, A.V. 2004: [Chronology and periodization of the Sarmatian sites of the Northern Black sea region]. In: *Sarmatskie kul'tury Evrazii: problemy regional'noy khronologii. Doklady k 5 mezhdunarodnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii"* [Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology. Texts to the 5th International Conference "Problems of Sarmatian archaeology"]. Krasnodar, 134—173.
- Симоненко, А.В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья. В сб.: *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к 5 международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории»*. Краснодар, 134—173.
- Skripkin, A.S. 1990: *Aziatskaya Sarmatia. Problemy khronologii i ee istoricheskiy aspekt [Asian Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect]*. Saratov.
- Скрипкин, А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.

- Skripkin, A.S. 1997: [The analysis of burial sites of the 3rd-1st cent. BC]. In: M.G. Moshkova (ed.), *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii*. Вып. 2. *Rannesarmatskaya kul'tura (IV–I vv. do n.e.)* [The statistical processing of burial sites of Asian Sarmatia. Issue 2. *Early Sarmatian culture (4th–1st cent. BC)*]. Moscow, 131–212.
- Скрипкин, А.С. Анализ сарматских погребальных памятников III – I вв. до н.э. В сб.: М.Г. Мошкова (ред.), *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. 2. *Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.)*. М., 131–212.
- Skripkin, A.S. 2006: [To the problem of correlation between the Early and Middle Sarmatian cultures]. In: V.M. Klepikov (ed.), *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya. Materialy seminarov Tsentra izucheniya istorii i kul'tury sarmatov*. Вып. 1 [Early and Middle Sarmatian Cultures: the Problems of Relationship. Materials of the Seminar of the Research Centre of the Sarmatian History and Culture. Issue 1]. Volgograd, 5–36.
- Скрипкин, А.С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур. В сб.: В.М. Клепиков (ред.), *Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов*. Вып. I. Волгоград, 5–36.
- Skripkin, A.S. 2017: *Sarmaty* [The Sarmatians]. Volgograd.
- Скрипкин, А.С. *Сарматы*. Волгоград.
- Smirnov, A.P. 1964: [To the question of an archaeological culture]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 3–10.
- Смирнов, А.П. К вопросу об археологической культуре. *СА* 4, 3–10.
- Smirnov, K.F. 1948: [About burials of the Roxolani]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 213–219.
- Смирнов, К.Ф. О погребениях роксолан. *ВДИ* 1, 213–219.
- Smirnov, K.F. 1954: [Issues of the research of Sarmatian tribes and their culture in Soviet archaeology]. In: Shelov, D. (ed.) *Voprosy skifo-sarmatskoy arkheologii (po materialam konferentsii Instituta istorii material'noy kul'tury Akademii nauk SSSR 1952 g.)* [Issues of the Scythian-Sarmatian Archaeology (After the Materials of the Conference of the Institute of Material Culture's History, USSR Academy of Sciences, 1952)]. Moscow, 195–219.
- Смирнов, К.Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. В сб.: Шелов, Д. (ред.) *Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конф. ИИМК АН СССР 1952 г.)*. М., 195–219.
- Smirnov, K.F. 1964: *Savromaty. Rannaya istoriya i kul'tura sarmatov* [Sauromatians. Early History and Culture of the Sarmatians]. Moscow.
- Смирнов, К.Ф. *Савроматы. Ранняя история и культура сарматов*. М.
- Smirnov, K.F. 1984: *Sarmaty i utverzhenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii* [Sarmatians and the Establishment of Their Political Dominance in Scythia]. Moscow.
- Смирнов, К.Ф. *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии*. М.
- Smirnov, K.F. 1989: [Sauromatian and Early Sarmatian cultures]. In: A.I. Melyukova (ed.), *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [Steppes of the European Part of USSR in the Scythian-Sarmatian Time]. Moscow, 165–177.
- Смирнов, К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры. В сб.: А.И. Мелюкова (ред.), *Стени европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 165–177.
- Spitsyn, A.A. 1896: [Review of some provinces and regions of Russia in the archaeological aspect. The Saratov province]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society] 8.1–2, 268–278.
- Спицын, А.А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Саратовская губерния. *Записки Императорского русского археологического общества* 8.1–2, 268–278.
- Veselovskiy, N.I. 1905: [Barrows of the Kuban region during the period of Roman rule in the North Caucasus]. In: *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda v g. Khar'kove, 1902 g.* T. I. [Proceedings of the XII Archaeological Congress in Kharkov, 1902. Vol. I]. Moscow, 341–373.
- Веселовский, Н.И. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. В кн.: *Труды XII Археологического съезда в г. Харькове, 1902 г.* T. I. М., 341–373.
- Vyaz'mitina, M.I. 1969: [Culture of the population of the Lower Dnieper after the fall of the unified Scythia]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 4, 62–77.

- Вязьмитина, М.И. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии. *СА* 4, 62–77.
- Vyaz'mitina, M.I., Terenozhkin, O.I., Illins'ka, V.A., Pokrovs'ka, E.F., Kovpanenko, G.T. 1960: [Barrows near the village of Novopylypivka and the soviet farm "Akkermen"]. In: *Arkheologichni pam'yatky URSS* [Archaeological sites of Ukrainian Soviet Social Republic] 8. Kiev, 22–135.
- Вязьмітіна, М.І., Тереножкін, О.І., Іллінська, В.А., Покровська, Е.Ф., Ковпаненко, Г.Т. Кургани біля села Новописіпівка та радгоспу «Аккермень». В сб.: *Археологічні пам'ятки УРСР* 8. Київ, 22–135.
- Yablonskiy, L.T. 2016: [Some theoretical approaches to the question of genesis of the Early Sarmatian culture]. In: L.T. Yablonskiy, L.A. Kraeva (eds.), *Konstantin Fedorovich Smirnov i sovremennye problemy Sarmatskoy arkheologii. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii", posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Fedorovicha Smirnova* [Konstantin F. Smirnov and Current Issues of Sarmatian Archaeology. Materials of the International scientific conference "Problems of Sarmatian archaeology" devoted to the 100th anniversary of Konstantin Fedorovich Smirnov]. Orenburg, 304–310.
- Яблонский, Л.Т. Некоторые теоретические подходы к вопросу о происхождении раннесарматской культуры. В сб.: Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева (ред.), *Константин Федорович Смирнов и современные проблемы Сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова*. Оренбург, 304–310.
- Zakharuk, Yu.N. 1981: *Metodologicheskie problemy arkheologii* [Methodological problems of archaeology. PhD Thesis. Abstract]. Moscow.
- Захарук, Ю.Н. *Методологические проблемы археологии*. Автореф. дисс. ... д.и.н. М.
- Zasetskaya, I.P. 1989: [Problems of the Sarmatian zoomorphic style]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 3, 35–47.
- Засецкая, И.П. Проблемы сарматского звериного стиля. *СА* 3, 35–47.
- Zhelezchikov, V.F. 1997: [Analysis of Sarmatian sites of the 4th–3rd cent. BC]. In: M.G. Moshkova (ed.), *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii*. Вып. 2. *Rannesar-matskaya kul'tura (IV–I vv. do n.e.)* [The statistical processing of burial sites of Asian Sarmatia. Issue 2. *Early Sarmatian culture (4th–1st cent. BC)*]. Moscow, 46–130.
- Железчиков, В.Ф. Анализ сарматских погребальных памятников IV–III вв. до н.э. В сб.: М.Г. Мошкова (ред.), *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. 2. *Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.)*. М., 46–130.